

Ли Сяньфу вошел в комнату, постоял немного и заговорил:

— Это касается твоего брата.

Цинь Цзинь замер на месте, а затем внезапно шагнул вперед, с силой притянул его к себе и одновременно пнул ногой дверь, закрывая ее.

Ли Сяньфу опешил: эта вспышка ярости показалась ему слишком уж внезапной.

Как только дверь закрылась, в коридоре раздался топот множества ног, а следом — оглушительный стук в дверь. Стало ясно: визитеры пришли не с добром. На улице сегодня вовсю шумел праздник, то и дело взрывались петарды, так что звать на помощь из окна было бесполезно — никто бы не услышал. Ли Сяньфу нахмурился и отступил назад:

— Кто это?

Цинь Цзинь хладнокровно набрал номер полиции. Сообщив точный адрес, он повернулся к Ли Сяньфу:

— Грабители. Либо Фан Юаньцзянь, либо Чжоу Паньбай. Кто-то из них.

Немного помолчав, он добавил:

— Обычным грабителям нужны деньги, а Фан Юаньцзянь слишком труслив и дорожит своей шкурой.

Ли Сяньфу понял, к чему он клонит. Только Чжоу Паньбай было нечего терять. Когда глупый человек окончательно теряет рассудок, он совершает глупости, не задумываясь о последствиях, и опускается до банального физического насилия.

Дверь была хлипкой. В тот самый миг, когда ее уже готовы были выбить, Цинь Цзинь схватил стул и с силой швырнул его вперед.

Первому ворвавшемуся стул угодил прямо в переносицу. Мужчина взвыл от боли. Следом за ним с палками и дубинками наперевес ворвались еще несколько человек. В самом конце появилась Чжоу Паньбай. Ли Сяньфу не удержался от вздоха:

— Вообще-то, ты могла бы и не показываться.

— Какая разница? — процедила Чжоу Паньбай с холодной усмешкой. — Если с вами что-то случится, я все равно буду первой подозреваемой.

Ли Сяньфу в очередной раз убедился в правоте Цинь Цзиня: разрушительная сила глупцов порой превосходит любые разумные пределы.

— Сделаешь еще шаг — и окажешься за решеткой, — предупредил он.

Но Чжоу Паньбай давно ослепла от ярости.

— Да мне плевать! Ты и так уже разрушил мою жизнь! — закричала она.

Ли Сяньфу опешил:

— Я?

— Не думай, будто я не замечаю, что между вами происходит. Оба хороши, так почему же ты строишь из себя невинную овечку?

— ...

Всю правду раскрыл Цинь Цзинь, но вся ненависть почему-то обрушилась на Ли Сяньфу. Заметив, что Цинь Цзинь отвернулся и тихо, ехидно усмехнулся, Ли Сяньфу не выдержал:

— Вообще-то, мы сейчас в одной лодке.

Окинув взглядом окруживших их наемных бандитов, Цинь Цзинь с усмешкой заметил:

— Смотри не попадись в руки Чжоу Паньбай. Иначе твоя участь будет куда плачевнее моей.

— ... — Ли Сяньфу не нашелся что ответить, глядя на Чжоу Паньбай, которая, казалось, готова была сожрать его живьем.

Только что Цинь Цзинь говорил с полуулыбкой на лице, но в следующее мгновение он резко атаковал. Стоявший ближе всех громила с дубинкой не успел среагировать — его шаг был неустойчивым, и точный, внезапный удар ноги Цинь Цзиня отправил его в полет.

Небрежно отбросив в сторону висевшее на плече полотенце, Цинь Цзинь вызывающе поманил остальных пальцем.

Разъяренная такой дерзостью, Чжоу Паньбай закричала:

— Да чего вы стоите?! Нападайте! Вы хоть знаете, сколько он стоит? Получите за него выкуп — и до конца дней ни в чем нуждаться не будете!

Она злобно уставилась на Цинь Цзиня:

— Думаешь, раз у тебя куча денег, тебе все сойдет с рук? Твои кости будут переламывать медленно, косточку за косточкой.

Затем она перевела на Ли Сяньфу взгляд, полный смертельной ненависти, и со звериным оскалом прошипела:

— Вид крови вызывает у тебя обморок и лишает сознания... Медсестра говорила, что у тебя тяжелое психическое расстройство...

Ли Сяньфу не понимал, к чему она вдруг завела об этом разговор.

Чжоу Паньбай хищно осклабилась:

— Я запру тебя в комнате и буду каждый день нанимать людей, чтобы они раздевались перед тобой. Твоя оставшаяся жизнь превратится в сущий ад!

Ее безумный, режущий слух смех не испугал Ли Сяньфу. Напротив, он слегка опешил.

Слегка вздохнув, он повернулся к Цинь Цзиню:

— Значит, если нас поймают, мне всего лишь придется каждый день смотреть на голых людей, а тебе по кусочкам переломывают кости?

Цинь Цзинь прищурился, его губы сжались в тонкую линию. Впервые с их знакомства он не сдержался и выругался:

— Твою мать.

Ли Сяньфу, должно быть, выглядел слишком хрупким и бледнолицым. Из пяти нападавших один валялся у стены, держась за живот, трое накинулись на Цинь Цзиня, и лишь один — здоровяк с золотым зубом — с плотоядной ухмылкой направился к Ли Сяньфу.

Не торопясь собрав волосы, Ли Сяньфу с абсолютно серьезным видом произнес:

— Вообще-то, я хорошо дерусь.

В прошлом на него слишком часто покушались. В Стране Матриархата всегда хватало тех, кто желал поставить его перед фактом и принудить к близости. Ради собственной безопасности, пока он рос там заново с младенческих лет, Ли Сяньфу упорно тренировался и прошел путь от слабого недотепы до бойца, способного голыми руками одолеть дикого кабана.

Ли Сяньфу не знал, на что способен этот амбал, но тот уж точно был послабее дикого кабана.

Громила лишь хмыкнул, приняв это дружеское предупреждение за пустую похвальбу от страха, и с силой замахнулся.

Дубинка со свистом рассекла воздух. Ли Сяньфу спокойно уклонился, перехватил запястье противника и резко выкрутил его. Хруст вывиха и истошный вопль раздались практически одновременно.

Убрав с дороги эту помеху, он подобрал дубинку и поспешил на помощь Цинь Цзиню. С оружием в руках его боевая мощь мгновенно возросла.

Поняв, что дело принимает скверный оборот, Чжоу Паньбай пнула воющего на полу громилу:

— Раздевайся! У этого придурка боязнь обнаженного тела! Не сможет же он драться с вами с закрытыми глазами!

Преодолевая боль, здоровяк одной рукой стянул футболку и принялся маячить перед глазами.

Чжоу Паньбай тоже расстегнула пуговицы и принялась размахивать полами своей рубашки, словно мотылек крыльями.

— ...

Всплывший в памяти образ полураздетого тела, которое зимой тащили на братскую могилу, постепенно растаял. Остались лишь два на редкость нелепых клоуна. Многолетняя боязнь обнаженного тела у Ли Сяньфу излечилась в один миг.

«Спасибо идиотам», —

искренне поблагодарил он их в душе.

Когда прибыла полиция, на месте царил полнейший хаос: кто-то раздевался, кто-то выл от боли... Если бы не лежащие на полу верзилы, с первого взгляда трудно было бы понять, что здесь произошло — разбойное нападение или групповое домогательство.

Ли Сяньфу с притворным сожалением провожал взглядом уводимую Чжоу Паньбай. Подражая современной молодежи, он приподнял руку и сложил пальцы сердечком.

Это мгновенно разъярило Чжоу Паньбай. С диким ревом она попыталась вырваться и броситься на него, но полицейские крепко ее удержали.

Второй полицейский произнес:

— Если вам удобно, нужно будет проехать с нами в отделение для дачи показаний.

Оба не возражали.

В Древней деревне Тяньси улочки были узкими, как овечьи тропы, к тому же сегодня праздновался Праздник Молений, и повсюду кишели толпы людей. Чтобы добраться быстрее после звонка, полицейские приехали на мотоциклах, поэтому конвоировать столько задержанных разом для них уже было непростой задачей.

К счастью, отделение находилось неподалеку. Ли Сяньфу уточнил дорогу и сказал, что они дойдут пешком.

В сложившихся обстоятельствах это было лучшим выходом.

Произошедшее уже начало привлекать любопытные взгляды прохожих, поэтому Ли Сяньфу указал вперед, призывая идти быстрее, чтобы не устраивать бесплатное представление.

Пробираясь сквозь шумную толпу, он вернулся к теме, ради которой изначально пришел к Цинь Цзиню:

— Что касается твоего брата... я сам только что об этом узнал.

Он просто констатировал факт, без малейшей попытки оправдаться.

Вдруг Цинь Цзинь указал в сторону.

Решив, что возникла новая угроза, Ли Сяньфу настороженно проследил за его жестом, но увидел лишь лавку, торговавшую маленькими фонариками.

Праздник Молений, как следовало из названия, был посвящен загадыванию желаний. Однако здешние правила гласили, что нельзя просить о чем-то слишком великом, а также связывать просьбы с жизнью и смертью. Ли Сяньфу даже в собственный день рождения редко загадывал желания, так что к праздничным ритуалам он относился прохладно. И взглянул на лавку лишь потому, что на нее указал Цинь Цзинь.

Но этот взгляд действительно помог кое-что разглядеть. На фонариках были нанесены темные узоры — присмотревшись, можно было различить молнии и изображение бога грома Лэйгуна. Тот отличался от привычного по традиционным сказкам образа: лицо выглядело довольно пугающим, лишенным привычного величия.

Заметив его пристальный взгляд, торговец приветливо помахал рукой:

— Возьмите один с собой!

Заплатив, Ли Сяньфу заметил:

— Этот фонарик выглядит довольно жутко.

Торговец добродушно рассмеялся:

— Изначально Праздник Молений был днем проклятий. На фонариках писали имя ненавистного человека и вывешивали в грозу, моля о том, чтобы его поразила молния.

— ... — «Что ж, весьма благожелательно», — подумал Ли Сянфу.

Фонарик размером всего с кулак стоил целых пятнадцать юаней. Ли Сянфу почувствовал, что его обобрали, и пошел дальше с тяжелым сердцем. Если прибавить к этому тысячу юаней, которую он отдал деревенскому старосте за информацию, расходы в этой поездке явно превысили лимит.

Заметив перемену в его настроении, Цинь Цзинь произнес:

— Можешь привезти его домой и подарить кому-нибудь в качестве сувенира.

— Тоже верно... — Ли Сянфу осекся на полуслове, внезапно осознав, что его увели от темы. Скосив глаза на Цинь Цзиня, он никак не мог разгадать, что у того на уме.

В этот момент он даже немного зауважал Гао Сюня. Работать под началом такого босса — все равно что постоянно ступать по тонкому льду.

Пока он предавался этим размышлениям, идущий рядом мужчина произнес неестественно спокойным голосом:

— Тебе не нужно беспокоиться о его делах.

Пальцы Ли Сянфу непроизвольно сжались, отчего фонарик в его руке сильно качнулся.

Ли Сянфу замер и, не скрывая изумления, переспросил:

— Не нужно беспокоиться?

— По крайней мере, сейчас, — Цинь Цзинь остановился чуть впереди и обернулся к нему.

<http://bllate.org/book/18300/1756973>